

**КРЕМЛЁВСКИЙ
ДИКТЕЙР**

ОЛЕГ

КАШИН

ВЛАСТЬ

МОНОПОЛИЯ НА НАСИЛИЕ

Олег Владимирович Кашин
Власть. Монополия на насилие
Серия «Кремлевский диггер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17683438

*Олег Кашин. Власть. Монополия на насилие: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0201-5*

Аннотация

Известный журналист, фигурант многих политических скандалов и человек готовый пострадать за свою активную гражданскую позицию. Ему нечего скрывать и он готов рассказать правду о том, что происходит в нашей стране на самом деле, чьи интересы обслуживают чиновники. На чьей стороне выступают суды, и кому на самом деле служит полиция. Сегодня, когда на смену политтехнологиям все чаще приходят дубинки наемных головорезов, немногие журналисты готовы в открытую исполнять свой профессиональный долг – говорить правду. Новая книга Олега Кашина даст ответ на многие вопросы, которые не решаются задать другие журналисты.

Содержание

Книга первая	5
Книга вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Олег Кашин

Власть. Монополия

на насилие

© Кашин О. В., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Книга первая

23 сентября 2011. 25-летней давности черно-белый клип «Аквариума» с паровозом, на котором музыканты едут мимо мрачных кадров советской кинохроники, для меня и, я думаю, не только для меня, остается самым красивым символом перемен, случившихся с Россией в конце восьмидесятых. Прошлой осенью БГ впервые с тех пор стал петь «Поезд в огне» на концертах. На каждом – уже в конце, когда группа уже выходит на бис. Возвращение этой революционной песни в прошлом году очень сильно меня впечатлило. В прошлом году я по 31-м числам ходил на Триумфальную площадь, писал о Химкинском лесе и вообще о «моде на протест», и то, что БГ снова запел «Поезд в огне», я воспринимал тоже как верный признак того, что в стране вот-вот что-нибудь изменится.

«Хватит ползать на брюхе, мы уже возвратились домой», – наверное, это было бы дурновкусием, но этот саундтрек вполне можно было бы сопроводить видеороликом, в котором анархисты бьют окна в химкинской администрации, демонстранты дерутся с ОМОНОм, а Алексей Навальный пишет в ЖЖ очередной пост, разоблачающий коррупционеров.

Прошлой осенью я чуть ли не в каждой политической колонке цитировал «Аквариум» без кавычек и ссылки на ис-

точник, чтобы редакторы не думали, что я какой-то сумасшедший фанат.

Сегодня на концерте «Поезда в огне» не будет, БГ говорит, что перед выборами ему кажется неправильным, цитирую, «махать флагом, причем никуда не призывая». Я не думаю, что выборы имеют здесь какое-то значение, но, пожалуй, я тоже был бы не рад слышать «Поезд в огне» теперь, когда нет уже ни протеста, ни моды на него, ни каких бы то ни было надежд и ожиданий.

Не на что больше жать и некуда больше бежать до такой степени, что даже напоминать об этом кажется уже лишним, и так все понятно. Вероятно, именно поэтому мы с друзьями смеемся теперь над той же Чириковой, которая по-прежнему бросается под бульдозеры лесорубов, как будто это что-то изменит.

Наверное, глупо воспринимать популярную музыку с точки зрения происходящего в стране, но «Аквариум» почему-то к этому очень располагает. У нас вообще ведь так принято, чтобы Шевчук – на «Марше несогласных», Алла Пугачева – на съезде «Правого дела», Вадим Самойлов – на кремлевском корпоративе. Бориса Гребенщикова в равной мере можно представить и там, и там, и там, но это не имеет никакого значения – все его песни о том, что все, происходящее вокруг, ничего не значит.

Ждать нового альбома и концерта «Аквариума» приятнее, чем ждать очередного съезда «Единой России». Какая

разница, кого они там поставят во главе своего списка – «мы смотрим на дым из трубы, и голубь благодати встает на дыбы», и это гораздо важнее.

12 сентября 2011. После крушения Як-42 под Ярославлем снова все стали требовать отставки министра транспорта Игоря Левитина.

Это уже такая традиция – когда тонет пароход, падает самолет или еще что-нибудь такое происходит, требовать отставки Левитина. Как будто, если завтра этого Левитина заменят на какого-нибудь другого человека, на какого-нибудь ветерана санкт-петербургской мэрии, что-нибудь изменится.

Поэтому я ничего не буду говорить о Левитине, лучше расскажу про калининградский зоопарк. Вы вряд ли следите за тем, что в этом зоопарке происходит, а между тем за один только август там умерли семеро кенгуру, самка карликового бегемота и маленький бизон. Почему они умерли, никто точно не знает. Вроде бы что-то не то съели. Может быть, кто-то из посетителей дал кенгуру какую-нибудь несвежую булку. Комментируя эти потери, директор зоопарка Людмила Анока заявила журналистам, что не видит в случившемся никакой трагедии, потому что на свете нет ничего вечного, смертны даже люди, чего уж там говорить о животных. Между прочим, Людмила Анока больше не директор зоопарка. Калининградский мэр уволил ее вот за этих семерых кенгуру, бегемотиху и бизончика.

Вы только не подумайте – я совсем не хочу проводить параллелей между директором зоопарка, у которого умирают звери, и министром транспорта, у которого падают самолеты. Между Людмилой Анокой и Игорем Левитиным нет ничего общего, это совершенно разные кадры.

Кстати, вы знаете откуда взялся лозунг «Кадры решают все»? Впервые его использовал, конечно, Сталин в одной своей речи, и, для того чтобы объяснить, зачем этот лозунг понадобился, он рассказал такую байку из своей жизни. Однажды в сибирской деревне, в которой Сталин отбывал ссылку, тридцать мужиков ушли на реку, а когда вернулись, их оказалось на одного меньше. Сталин спросил, где, мол, тридцатый. Мужики ответили: «А черт его знает, утонул, видимо», – и стали обсуждать, что надо бы успеть напоить кобылу. По словам Сталина, он упрекнул мужиков в том, что скотину они жалеют больше, чем человека. Мужики ответили: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу».

Эта формула объясняет, почему за кенгуру в России увольняют, а за людей нет. «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кенгуру... попробуй-ка сделать кенгуру». Но я не понимаю, почему мы до сих пор живем по этой формуле.

21 октября 2011. Вчера, когда Дмитрий Медведев на журфаке МГУ встречался с активистами прокремлевских моло-

дежных движений, а студенток журфака, встречавших президента с плакатами типа «Почему вы сидите в «твиттере», а Ходорковский – в тюрьме?» задерживали полиция и ФСО, один мой товарищ, оппозиционный активист с неприлично большим стажем, издевался в своем микроблоге над недовольными происходящим студентами журфака. Он писал им, что автобус с задержанными студентками все еще стоит на Манежной, их даже никуда не увезли, и если другие студенты вместо того, чтобы бежать на выручку, жалуются на происходящее у себя в блогах, то, значит, это плохие студенты, которые вообще ни на что в этой жизни не способны.

Я не учился на журфаке, и поэтому слабо представляю себе, как бы вел себя в этой ситуации я, если бы был студентом. Я помню случаи, когда на митингах толпа не отдавала омоновцам тех, кого они пытались задержать, но не помню, чтобы кому-нибудь удавалось освободить задержанных из автозака, тем более, что это было бы уголовным преступлением, чреватым для его участников большими тюремными сроками. Но вообще эта картинка – автобус с задержанными ни за что студентками стоит у ворот факультета, и никому до этого нет дела – она ведь действительно удручающая, так не должно быть, но при этом так есть, а по-другому у нас не бывает.

Культуры студенческих волнений, студенческих беспорядков в России просто нет. 1968 год на десятилетия вперед определил облик Европы и Америки, а у нас принадлежность к студенчеству – это либо такая мигалка для молодых,

показатель статуса, либо вообще черт знает что, способ откосить от армии. По этой причине российское студенчество – такая же опора стабильности, как и те полицейские, которые сажали в автозак студенток с плакатами.

Оппозиционеры могут сколько угодно рассуждать по поводу того, что нужно делать, чтобы в стране что-то начало меняться, и наступающие двенадцать путинских лет – это даже здорово, у всех будет время порассуждать о чем угодно. А единственной силой, которая сможет всерьез трепать власти нервы, так и останутся те милые люди, которые 4 ноября выйдут на «Русский марш».

13 октября 2011. «Зеленая козявка, зеленая сопля, для челяди кремлевской ты шлюха в три рубля», – этот текст вчера цитировали информагентства, отдельно отмечая строчку «там сидит сурок в траве», в которой можно было разглядеть намек на заместителя главы кремлевской администрации Владислава Суркова. Песню про козявку, посвященную телеканалу НТВ, спел гитарист группы «Чайф» Владимир Бегунов. Музыканты «Чайфа» дружат со своим земляком – основателем фонда «Город без наркотиков» Евгением Ройзманом, про которого канал НТВ показывал разоблачительный фильм после разгрома партии «Правое дело», формальным поводом для которого была давняя судимость Ройзмана.

И вот с помощью песни про козявку Бегунов отвечает

НТВ, демонстрируя тем самым свою гражданскую позицию, противоположную той, которую занимает телеканал.

Когда политические оппоненты поют друг про друга песни, а не дерутся – это вообще-то здорово, поэтому высказывание Бегунова, наверное, стоило бы поприветствовать. Собственно, это и происходит – вчера в блогах я прочитал много восторженных слов о Бегунове, который не побоялся сказать правду в лицо НТВшным клеветникам и «сидящему в траве сурку». И я даже согласился бы с теми, кто сегодня восхищается Бегуновым, но при одном условии – если бы его песня про козявку была хотя бы чуть-чуть менее пошлой и бездарной. Но стоит, наверное, предположить, что непошлой и небездарной оппозиционная песня быть не могла, потому что если в песне первична «идеологическая» составляющая – все прочие ее качества куда-то отступают.

Дело, наверное, в том, что у нас почему-то не все понимают, что если песня плохая, но при этом идеологически выдержанная, плохой она от этого быть не перестанет.

В прошлом году, я помню, на ежемесячные демонстрации 31 числа регулярно приходила бывшая радиоведущая Катя Гордон, которая теперь поет. Поет она, на мой вкус, ужасно, но при этом у нее есть песня про 31-е число, и несколько раз на этих митингах она выходила на трибуну и пела эту песню. И оппозиционеры, стоявшие рядом, радовались этой песне, потому что песня – в поддержку оппозиции. Оппозиционеры почему-то не понимают, что идеологический посыл пес-

ни не имеет значения, если песня плохая. Она ведь все равно плохая, даже если в ней поется, что третий срок Путина стране не нужен, а Ходорковского нужно срочно выпустить из тюрьмы.

Сейчас никто не спорит с тем, что российское общество расколото, а его единство носит фантомный характер. Но как именно оно расколото – мало кто понимает. «За Путина», «против Путина», «за Кремль», «против Кремля» – это слишком неточные обозначения, которые в действительности мало что объясняют.

Мне кажется, более точным было бы разделение политически активных граждан по принципу наличия и отсутствия вкуса, потому что критерий «пошляк» или «не пошляк» имеет гораздо более серьезное значение, чем любая идеологическая окраска.

И вот по этому критерию все эти песни про козявок и прочее отправились бы туда же, где уже сидят, ну не знаю, режиссеры последнего съезда «Единой России». Но самое ужасное – я не знаю, кто остался бы в пространстве, свободном от пошлости. Подозреваю, что никого бы не осталось.

11 октября 2011. Вечнозеленая тема парадных фотографий на сайте kremlin.ru – Дмитрий Медведев фотографируется со свеженагражденными деятелями искусств, бизнеса и прочего. В этот раз хитом стоит считать фотографию президента с Геннадием Хазановым, которому только что дали

орден.

Наверняка кто-то сочтет эту фотографию крайне символичной, потому что в нашей стране грань между политиками и эстрадными юмористами практически полностью стерлась. Монолог студента кулинарного техникума часто неотличим от тех речей, которые мы слышим в новостях, но я бы не стал на этом спекулировать, потому что такая фотография могла появиться и в прошлом году, и в позапрошлом, и при Путине, и при Ельцине, и вообще когда угодно.

На груди Геннадия Хазанова вообще много орденов, и если бы только на его груди – каждый сколько-нибудь заметный человек из телевизора раз в несколько лет, а кажется, что и чаще, становится героем этих протокольных мероприятий. Банкир Костин, олигарх Мордашов, губернатор Ткачев – все они пришли за орденами не первый раз и не последний, а те, кто нарушает устоявшийся порядок, то есть люди менее знаменитые, вносят в церемонию награждения такое милое оживление. Директорша парфюмерной фабрики, подарившая Медведеву взамен ордена флакон духов своего производства, заставляет вспомнить о традициях передачи «Поле чудес» и снова улыбнуться – как и при появлении Хазанова.

Может быть, самой одиозной советской традицией была вот эта система награждений – когда о статусе писателя или музыканта можно было судить не по тиражам книг и не по собранным залам, а по количеству орденов, врученных к

юбилеям. По количеству и по качеству, конечно. «Иван Ивановичу дали «Знак Почета», хотя он ждал «Трудовое Красное Знамя», – значит, что-то не в порядке, значит, есть над чем задуматься».

Система разноцветных штанов и вставляемых в ноздри колокольчиков, воспетая фильмом «Кин-дза-дза», оказалась гораздо более живучей, чем многие другие советские иерархические признаки.

Когда-то титул народного артиста чем-то ощутимо помогал творчеству, открывал какие-то двери, снимал многие проблемы. Сейчас вроде бы рынок, и нужды в разноцветных штанах вроде бы нет, но ордена и почетные звания раздают так же радостно, как и при Брежневе (сравнение с которым, как теперь известно, идет не в минус, а в плюс). И даже странно – вроде бы, за границей артистов тоже награждают, Элтон Джон или Пол Маккартни – вообще сэры, но когда ордена артистам раздают у нас, это почему-то больше похоже на повесть Войновича «Шапка», чем на сэра Элтона Джона.

Наверное, стоит подумать о том, чтобы выдать орден «За заслуги перед Отечеством» всех степеней сразу всем гражданам Российской Федерации. Когда ордена окончательно обесценятся, никто никому не будет завидовать и никто не будет переживать, что одного наградили, а другого нет. Жить в России станет хоть чуть-чуть, но счастливее. А счастье – оно ведь дороже любых орденов.

16 ноября 2011. Отец Всеволод Чаплин наверняка будет недоволен, но слово «ад» в последнее время каждый день, а то и чаще, становится единственным возможным описанием происходящего в России, причем если раньше адом называли, как правило, какие-нибудь теракты, техногенные катастрофы и землетрясения, то теперь этим словом хочется называть буквально все.

Случай с красноярским мальчиком, испортившим вывешенные в школе агитматериалы «Единой России» – это именно что ад. Парня вызывают к директору школы, она сравнивает его с Лениным и говорит, что портить плакаты – это не по-христиански. Ад? Ад.

Но это только начало истории. Директорша не знает, что у мальчика включена камера мобильного телефона, и через несколько часов ее услышат сотни тысяч пользователей YouTube. Но и это еще не все. В обсуждение «антихристианского поступка» включается красноярский вице-губернатор Сергей Пономаренко, который зачем-то пускается в воспоминания о том, как однажды, я процитирую, «за гораздо меньшую провинность» его «публично перед одноклассниками классная руководительница разжаловала из командиров отряда и маникюрными ножницами отпоролла со школьной формы три красные нашивки». И дальше: «Но мобильных телефонов тогда не было, поэтому подленько исподтишка записать это и выложить в сеть я не мог», – пишет вице-губернатор, и новостные издания сообщают об этом чест-

но: «Вице-губернатор обвинил школьника в подлости».

Еще, кстати, вице-губернатор Пономаренко сказал, что если бы ему «пришло в голову нарисовать что-нибудь на лицах членов Политбюро ЦК КПСС – без разговоров выгнали бы из школы», и я специально полез посмотреть, сколько вице-губернатору лет – оказалось, 36, то есть школу он закончил в 1992 году, и из каких глубин генетической памяти всплыло это политбюро ЦК КПСС и учительница с маниакальными ножницами, страшно представить.

При этом они ведь действительно все хотят добра – и мальчику, и себе, и стране в конечном итоге. Я и сам не готов воспринимать эту историю как случай с сознательным юным гражданином, павшим жертвой произвола обнаглевших начальников, – ничего этого нет, есть просто частный случай всепобеждающего безумия, в котором нет ни добра, ни зла, и в котором некому сочувствовать.

Попробуйте пересказать эту историю человеку, который не следит за российскими новостями и не видел, например, как премьер Путин усадил губернатора Савченко в стоматологическое кресло, угрожая ему стоматологическим буром. Попробуйте рассказать об этом человеку, который не в курсе вчерашнего заявления Ольги Романовой о готовящемся убийстве ее мужа при этапировании. Или тому, кто не знает о запланированном на 4 декабря в Москве «зимнем Селигере», – каждый день приносит новости, которые невозможно объяснить с любой человеческой точки зрения, но легко по-

нять, если относиться к ним как к новостям из ада, подчиняющимся логике ада и ничему больше.

7 ноября 2011. В России все праздники странные, но сегодняшний вне конкуренции. Седьмое ноября – День воинской славы России, официальное название – «День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции». При этом годовщину самой революции в России не празднуют официально уже пятнадцать лет, а годовщина годовщины остается праздником, и некоторая абсурдность такого сочетания никого, конечно, не смущает.

Многие уже видели фотографии репетиций сегодняшнего ремейка парада семидесятилетней давности на Красной площади – ряженые солдаты, всадники, дирижабли. Для полноты, конечно, не хватает актера, загримированного Сталиным – Сталин ведь выступал на том параде 70 лет назад. Но пустота вместо главного героя даже дополняет общее ощущение от праздника, окончательно превращая его в такой день антиматерии.

Этот «день воинской славы», как и все другие памятные даты, из которых сегодня состоит российский торжественный календарь, демонстрирует только одну, но очень важную вещь, причем чем больше праздников, тем эта вещь очевиднее: в России нет ничего, что объединяло бы людей, которые

здесь живут. Все попытки придумывать какие-то традиции и святыни – все эти попытки проваливались до сих пор и, очевидно, будут проваливаться и впредь. Когда-то, лет десять назад, существовал даже не миф, а труднопроверяемая гипотеза, что таким объединяющим фактором может стать Великая Отечественная война и все, что с ней связано.

Можно предположить, что все дело в том, что к чему бы ни прикасалась официальная российская пропаганда, все автоматически делается нелепым и неприятным, даже слоган «Спасибо деду за победу».

Единственная политическая традиция, которая сформировалась в нулевые и существует уже вне зависимости от того, хочет этого кто-то или нет – это, простите, «Русский марш» каждый год 4 ноября. И эта традиция дает повод даже критически настроенным к нынешнему Кремлю людям вздыхать и говорить, что, к сожалению, только вот такая, как сейчас, путинская ограниченная демократия может остановить этих зигующих подростков, и что если не будет Путина, в России к власти обязательно придут фашисты. Власть любит этот миф, поэтому «Русский марш» как вечнозеленая страшилка этой власти, конечно, нужен.

Но на самом деле все гораздо проще. Если единственная прижившаяся политическая традиция – это «русский марш», это просто значит, что власть, которая сейчас есть, не может дать стране ничего, во что можно верить и что могло бы объединять людей.

Популярность и массовость «русских маршей» свидетельствует не о силе и популярности националистов, а о слабости и беспомощности власти.

29 февраля 2012. Сегодня, за четыре дня до президентских выборов, мне очень хочется поговорить о группе Дятлова. Вообще-то это очень известная история, в Интернете ей еще задолго до появления блогосферы было посвящено множество форумов и любительских сайтов. Об этой истории написаны книги, фильмы и песни, и, насколько я знаю, снимаются новые фильмы и пишутся новые книги. Но почему-то эта история прошла мимо меня, и я узнал о ней всего несколько дней назад.

Это история о том, как зимой 1959 года девять студентов Уральского политехнического института пошли в лыжный поход через горы и пропали, а потом их нашли мертвыми, и за пятьдесят с лишним лет так никто и не выяснил, по какой причине эти студенты погибли. Уголовное дело закрыли с формулировкой «причиной их гибели явилась стихийная сила, преодолеть которую люди были не в состоянии», и эта формулировка может значить что угодно, а если учесть, что от того похода остались дневники и фотографии, которые давно опубликованы и общедоступны, то любители всевозможных загадок спорят о судьбе группы Дятлова так эмоционально, как если бы студенты погибли не много лет назад, а вчера. История группы Дятлова – это классический

хоррор, к которому в зависимости от настроения можно относиться хоть как к «Твин Пиксу», хоть как к «Секретным материалам».

Случайно наткнувшись на рассказ о группе Дятлова, я читал его всю ночь, и потом еще долго о ней думал, и до сих пор думаю. У меня в «твиттере» – 28 тысяч читателей, я поделился с ними ссылкой на эту историю, и теперь радуюсь, наблюдая, как, может быть, каждый второй из этих 28 тысяч начинает читать страшные истории о погибших студентах, и как люди спорят об этой загадке, ругаются между собой и так далее – в общем, все как бывает в Интернете.

Я радуюсь, потому что сейчас, за четыре дня до выборов, мне кажется, самое время увлечься чем-нибудь таким, что гарантированно не окажется кремлевским или антикремлевским проектом.

История группы Дятлова не разгадана и, скорее всего, никогда не будет разгадана, но что само по себе очень здорово – можно быть уверенным, что в этой истории никогда не прозвучит слово «Путин».

Удивительно, но в нынешней общественно-политической обстановке это само по себе становится ценностью, и я очень бы хотел, чтобы «твиттер» обсуждал историю группы Дятлова хотя бы до конца недели. Дальше не получится, но хотя бы еще несколько дней. Потом опять начнется Чуров, митинги, Путин, нашисты, Навальный и прочее. Но пока – пока действительно интереснее поспорить о том, почему именно

погибли те семеро парней и две девушки, который 53 года назад ушли в поход в Уральские горы.

20 июня 2012. Комментарии нового патриаршего пресс-секретаря Александра Волкова по поводу присуждения патриарху Кириллу премии «Серебряная калоша» – это такой стандартный набор слов, которые мы в последние месяцы слышали неоднократно: «уподобиться безбожникам начала XX века», «общество окажется гораздо более духовно здоровым», «нанесли вред не личности предстоятеля Церкви, а чудовищный вред своим душам». Эти слова мы слышали много раз, они неубедительны. Такая риторика не работает.

И мне бы не хотелось в нынешних исторических обстоятельствах становиться добровольным помощником патриаршего пресс-секретаря, но я должен сказать, что самое неприятное во всем этом сюжете – то, что неубедительные слова пресс-секретаря не делают героев из организаторов «Серебряной калоши».

Я ушел с этой церемонии, именно, как принято говорить, покинул зал минут, может быть, через двадцать после ее начала, и присуждение награды «господину Гундяеву» застать как раз успел. И если церковь думает, что эпизод с патриархом как-то выделялся из общей стилистики церемонии, то это было бы ошибкой – в контексте происходившего на сцене награждение патриарха часами ничем особенным не отличалось от остального.

Началась церемония с танцевально-песенной истории про

нашистку Свету – на сцене плясала девушка в пуховике, изображающая глупую провинциалку. Со Светой танцевали мужчины в омовском камуфляже. Потом еще, – как раз чтобы разбить кувалдой не полученные патриархом ча-сы, – появился актер в рабочем комбинезоне, изображающий «потомственного рабочего «Уралвагонзавода». Вот после этого рабочего, когда на сцену вышел певец, изображающий Всеволода Чаплина, я и ушел, и уже потом в новостях читал об остальных наградах – Владимиру Жириновскому, депутату Милонову, Аркадию Мамонтову. Не знаю, звучало ли со сцены слово «быдло», но не удивлюсь, если звучало.

Это был такой капустник, устроители которого очень хотели понравиться, условно говоря, «аудитории Болотной площади» – вот просто взяли все самые актуальные темы последних месяцев, от Чурова до полпреда Холманских, и перевели их на язык развлекательного телевидения путинских времен. И вот с языком-то и случилось непредвиденное: на этом языке хорошо шутить про тещу и про геев, а от того, что в шутке про тещу слово «теща» механически заменить на слово «патриарх», шутка острой и смешной не станет. Они хотели поговорить с Болотной площадью на ее языке, но оказалось, что просто не знают никакого языка, кроме своего собственного. И вот именно этим, а вовсе не нанесенным «вредом личности предстоятеля» они нанесли вред своим душам, да и не только своим.

15 июня 2012. Если бы я составлял золотой фонд высказываний российских чиновников – в хорошем смысле золотой фонд, то есть не курьезы, а действительно важные и умные слова, – то в этот золотой фонд я бы обязательно включил слова главы Российского футбольного союза Сергея Фурсенко по поводу задержаний российских футбольных фанатов в Польше. Фурсенко сказал: «Нам всем надо очень сильно задуматься. Выезжая в Европу, мы сталкиваемся с нормальным правовым полем, к которому не привыкли». Речь идет о российских футбольных хулиганах, уже получивших в Польше тюремные сроки в два и три месяца, и тех, кто еще только ожидает решения польского суда.

Это действительно очень важные слова, которые имеют отношение не только к околофутболу, хотя и на нем стоит остановиться чуть подробнее. Я совсем не футбольный журналист и даже не болельщик, за матчами Чемпионата Европы слежу вполглаза, но о футбольных фанатах я писал дважды в жизни. Первый раз – для одного далекого от спорта журнала я писал большую статью о том, что группировки футбольных хулиганов в действительности – это что-то вроде частных силовых структур, некоторые из которых регулярно зарабатывают тем, что берут у прокремлевских молодежных движений подряды на, скажем так, неправоное подавление оппозиционной активности, и второй раз – в декабре 2010 года после фанатских беспорядков на Манежной площади я писал, что власть вырастила из околофутбола ту

силу, которую уже сама не способна контролировать.

И вот теперь эта сила оказалась, как сказал Фурсенко, в «нормальном правовом поле», и к ней уже не Владимир Колокольцев приезжает на переговоры с людьми в масках и не Владимир Путин садится с ними за круглый стол, а скучный польский суд раздает им месяцы тюрьмы. Как говорили в старину – почувствуйте разницу.

В «нормальном правовом поле» дубайская полиция (состоящая, очевидно, из каких-то сверхлюдей по сравнению с российскими коллегами) быстро ловит парней с золотыми пистолетами, которым в России тюрьма просто не может грозить по определению. В «нормальном правовом поле» фигуранты «списка Магнитского» чувствуют себя не хозяевами жизни, а людьми, у которых могут быть серьезные проблемы как минимум с пересечением границы.

Нормальное правовое поле – это вообще хорошо. В нормальном правовом поле истории с угрозами убийством не заканчиваются извинениями и подаренными часами. За укрытельство банды убийц не штрафуют на 150 тысяч рублей. За изнасилование бутылкой от шампанского полицейского не сажают под домашний арест. И, хоть Сергей Фурсенко и не задал этого вопроса, он все равно напрашивается: Почему же у нас правовое поле – не нормальное?

Чтобы ответить на этот вопрос, в золотой фонд высказываний российских официальных лиц я бы включил еще одну цитату, тем более, что она как раз посвящена Сергею

Фурсенко. Вот эта цитата: «Можно там отбучкать его за углом». Эти слова Владимир Путин, как известно, произнес на встрече с футбольными фанатскими объединениями. Все или почти все, кто сидел с ним тогда за столом, сейчас находятся в Польше. Они не виноваты, что в их стране власть объяснила им, что «отбучкать» – это нормально, а соблюдать законы – нет.

30 мая 2012. Если вы не следите за происходящим в социальных сетях, то вы пропустили эту историю, поэтому коротко перескажу: Петербург, День города, из окон офиса социальной сети «В контакте» на Невском проспекте ее основатель Павел Дуров и вице-президент Илья Перекопский бросают пятитысячные купюры. Люди под окнами толкаются, дерутся из-за этих денег, топ-менеджеры снимают это на видео, а потом Павел Дуров в своем Twitter пояснит, что акцию пришлось прекратить, поскольку «народ начал звереть».

Я пересказываю сейчас эту историю и чувствую себя каким-то обозревателем отдела морали комсомольской газеты семидесятых годов, пишущим проблемный очерк о воспитании советских подростков. «Почему так случилось? Давайте разберемся». Дальше должны следовать какие-нибудь слова о размытых представлениях о добре и зле, об эрозии воспитания, о духовном Чернобыле, и еще какая-нибудь цитата типа «сынки чикагских миллионеров убивают детей из любопытства». Посмотрите хоть в Twitter, хоть в «Живом жур-

нале», хоть в том же «В контакте» – ровно в таких выражениях о поступке Дурова сейчас и спорят, хоть давно нет ни комсомольских газет, ни проблемных очерков.

А на самом деле ведь все проще. Знаете, почему Дуров бросал деньги из окна и смеялся над людьми, которые суетились на тротуаре? Потому что ни сто, ни тем более семьдесят или сорок лет назад не было у нас такого Дурова, который провел бы этот неприличный эксперимент и закрыл бы тему раз и навсегда.

Собственно, в этом и состоит главная проблема – не в том, что под окнами дуровского офиса «народ звереет», а в том, что есть на свете много стран, люди в которых нашли ответ на все неочевидные для нас вопросы за много лет до Павла Дурова и тех, кто сейчас осуждает его или поддерживает. Марку Цукербергу, с которым принято сравнивать Дурова, не пришлось бы в голову играть в такие игры ровно потому, что эти игры давно уже сыграны и проиграны теми самыми сынками чикагских миллионеров сто лет назад, и в исполнении Цукерберга разбрасывание купюр выглядело бы чем-то старомодным и пошлым.

Такие истории, как с Дуровым, огорчают, прежде всего, именно своей безвыходной провинциальностью, и социальные сети, превратившиеся у нас в единственное свободное и доступное пространство для общественной мысли, только делают эту проблему еще более наглядной, как яркая лампа в неубранной комнате.

Вот на днях мы с моим коллегой Константином Эггертом два дня спорили в соцсетях о том, кто был прав в октябре 1993 года – спорили долго, эмоционально и, в общем, увлекательно, но это же грустная на самом деле картина: сидят у компьютеров двое журналистов, обсуждают едва ли не самый важный эпизод новейшей истории своей страны, а кроме друг друга и еще нескольких болельщиков из соцсетей, у этих двух журналистов ничего больше нет. Нет корпуса книг и исторических исследований, посвященных тем событиям, нет университетских кафедр, которые изучали бы 1993 год, нет вообще ничего, даже памятника людям, которые тогда погибли – и его тоже нет.

Мы живем в пустоте. Мы всерьез обсуждаем, можно ли бросать камни в ОМОНовцев, можно ли панкам петь в церкви, можно ли проводить выставки современного искусства в Краснодаре, можно ли говорить о гомосексуализме со сцены или за это заберут в полицию. Бесконечный велосипед, изобретаемый нами в пустоте – когда-нибудь его поставят памятником на наших могилах.

24 июля 2012. Совсем пустяковая новость, но летом, я думаю, можно: в Калининграде городской совет ветеранов выразил возмущение в связи с тем, что местный хлебозавод начал выпуск хлеба под названием «Кайзеровский». Ветераны (напрашивается шутка про ветеранов Первой мировой) заявляют, что хлеб такой марки их оскорбляет, хлебозавод, в

свою очередь, выражает готовность поменять название сорта и дизайн упаковки.

Пекари оправдываются, что ничего не имели в виду, просто хотели испечь хлеб по старому немецкому рецепту, а ветеранов обижать не хотели.

На фоне споров и конфликтов с участием «православной общественности» все остальное выглядит достаточно невыразительно, но все же. Я не веду специального учета таких историй, но даже если не залезать в поисковики – снятие с эфира фильма «Три дня в мае», знаменитая история с шашлычной «Антисоветской» и менее знаменитая, но я о ней когда-то писал и поэтому помню – с ночным клубом «Капитализм», который лет пять назад оскорбил московских ветеранов слоганом «Долой кефир и клизму, вперед к капитализму». В том же Калининграде, кстати, года два назад был случай, когда тот же совет ветеранов не позволил открыться гостинице под названием «Рейхштрассе». У гостиницы отобрали лицензию, и открылась она только спустя год под уже каким-то «антифашистским» названием. Кажется, «Арарат».

Я думаю, если специально мониторить новости про ветеранов, то большая часть таких новостей, а может быть, и все эти новости будут именно об этом – ветераны потребовали запретить, закрыть, ликвидировать. И как правило, успешно. Если ветераны требуют, как им отказать?

Вообще-то надо как-то учиться отказывать, хотя я даже

не знаю, к кому можно обратиться с таким призывом – чтобы учились отказывать ветеранским организациям. Власти призывать к этому глупо. Ни одна ветеранская инициатива не была бы реализована без поддержки властей.

Не знаю, помните вы или нет, но результатом истории с шашлычной «Антисоветская» в свое время стало не только переименование заведения, но и множественные бонусы для инициатора атаки на шашлычную Владимира Долгих, возглавляющего московскую ветеранскую организацию. После той истории товарищ Долгих получил орден, стал почетным гражданином Москвы и избрался в Госдуму от «Единой России».

Я думаю, стоит обратить внимание на то, что в последние годы в России сложилась собственная, очень интересная культура толерантности.

Хейт-спич, неpolitкорректные высказывания – с этими вещами у нас борются практически так же жаростно, как на политкорректном Западе. Но есть очень важная деталь. От «хейт-спичей» у нас надежно защищено только большинство, подлинное или мнимое – православные, сторонники Путина, гомофобы или вот люди, разделяющие ценности ветеранских организаций.

2 августа 2012. Председатель Верховного суда заявляет, что Ходорковского и Лебедева вообще-то можно и отпустить, а это почему-то не становится сенсацией, все макси-

мально буднично. Никаких митингов, никаких открытых писем деятелей искусства, ничего вообще, только политологи невозмутимо высказываются в том духе, что отпустить сейчас Ходорковского и Лебедева – это естественно, потому что если вот-вот посадят Навального, то Ходорковский должен быть свободен, ведь одновременно за решеткой не может находиться больше одного знаменитого публичного оппонента власти, якобы есть такое негласное правило. Таких комментариев я видел много, причем появляться они начали еще до новости о постановлении Лебедева, именно в связи с Навальным.

Например, еще две недели назад политолог Глеб Павловский, ссылаясь на некий «мандат неба», который потеряет власть, если начнет сажать всех своих оппонентов, сказал: «Для того, чтобы посадить Навального, пришлось бы выпустить Ходорковского». И вот пожалуйста – параллельно с раскруткой уголовного дела по Навальному начинается какое-то движение вокруг Ходорковского. Председатель Верховного суда понял вдруг, что с приговором Ходорковскому что-то не то, и предлагает его перепроверить.

Мне кажется, что если бы постановление Лебедева появилось еще год назад, это действительно была бы огромная сенсация. А сегодня сенсации нет, хотя ничего ведь не изменилось – Ходорковский остался Ходорковским, приговор остался приговором, тюрьма осталась тюрьмой. Видимо, все-таки что-то произошло с общественным мнением.

А ведь это главный итог этого года – от рокировки Путина и Медведева до дела Pussy Riot: за этот год столько всего произошло, что уже невозможно ничему удивиться, вообще ничему. Это похоже на какую-то психологическую игру; каждая новость последнего года заслуживает по меньшей мере главы в учебнике истории, а все вместе эти новости сливаются в один вполне монотонный фон. Что происходит в России? Да ничего нового, в общем-то.

Если завтра случится что-нибудь совсем запредельное, ну, не знаю, легализуют каннибализм, или учредят день открытых убийств – такое ощущение, что и это никого не удивит. За год страна привыкла ко всему, а удивляться, наоборот, отвыкла.

Девять лет назад, когда Ходорковского только посадили, по Интернету гулял смешной рассказ под названием «День Суркова». При чем там Сурков, я не помню, но сюжет был такой – популярный телеведущий, выйдя из запоя, включил программу «Время», а там сказали, что Ходорковский приговорен к расстрелу, и приговор уже приведен в исполнение. Телеведущий взволнованно обзванивает знакомых, а те очень спокойно ему отвечают – ну да, ну расстреляли, ну а что такого-то. К тому, что литература у нас всегда сбывается, тоже можно было давно привыкнуть, и даже неплохо, что в реальности вместо расстрела случилось постановление председателя Верховного суда, но все равно испытываешь какое-то странное чувство. Общество, разучившееся удив-

ляться, не вполне здорово.

20 августа 2012. Я как-то раньше об этом не задумывался, но знаете ли вы, что к стеле памяти погибших защитников Белого дома на пересечении Нового Арбата и Садового кольца нельзя подойти пешком, не нарушив правил движения? Там нет пешеходного перехода, и машины ездят, не останавливаясь. Я думаю, если бы возлагать цветы к этой стеле пришло больше людей, полиции было бы удобно задерживать их за переход дороги в неположенном месте. Но людей было мало, и единственной задержанной оказалась девушка, пришедшая возлагать цветы в маске с прорезями, которую у нас теперь принято называть балаклавой.

А так – новой Болотной площади не получилось, идея актуализировать события 1991 года, кажется, провалилась. Накануне Борис Акунин написал, что надеется увидеть на Новом Арбате длинную очередь из желающих возложить цветы, но никакой очереди не было, было очень мало людей. Я, на самом деле, тоже не очень понимаю, чью память следовало почтить 19 августа, а не 21-го, когда, собственно, и погибли Владимир Усов, Дмитрий Комарь и Илья Кричевский, но при этом понимаю, что если бы в этом году воскресенье выпало на 21-е число, то и 21-го пришло бы столько же, сколько теперь. И дело совершенно не в том, что об августе 1991 года все забыли или за эти годы история с путчем стала более спорной, чем она была для современников. В октябре будет

десять лет «Норд-Осту», и я не думаю, что к ДК на Дубровке придет с цветами ощутимо больше людей, чем пришло на угол Нового Арбата и Садового. Я вообще не представляю, какая памятная дата способна стать поводом для того, чтобы вся Москва или вся Россия вышла участвовать в памятных мероприятиях. Не послушать Газманова в гимнастерке на Поклонной горе 9 мая, а вот именно вспомнить, задуматься, объединиться в каком-то коллективном гражданском переживании.

И нельзя ведь сказать, что наша новейшая история была бедна на трагические и исторические события. Но максимум, который остается от любого события в нашем историческом календаре – тематический опрос ньюсмейкеров или простых прохожих на тему «Что вы думаете о...» в газетах и по телевизору.

Выражение «конец истории», конечно, имеет совсем другое значение, но, кажется, именно постсоветская Россия пережила настоящий конец истории в том смысле, что никакой истории у нас больше нет.

В пятницу, когда судья Сырова выносила приговор девушкам из Pussy Riot, в зале суда у меня было чувство, что этот-то суд все запомнят навсегда, но в воскресенье у стелы на Новом Арбате я понял, что никто ничего, конечно, не запомнит. На проклятом острове нет календаря.

23 августа 2012. Трудно так сразу переключаться с XVII

века на XX. Еще вчера все спорили о Трулльском соборе и святом символе православия в виде гвоздя, а сегодня вдруг речь заходит о восстановлении звания Героя Социалистического Труда; эпитета «социалистический» в предложении полпреда Холманских нет, но это тот случай, когда и так все понятно – движение «В защиту человека труда», как и сам персонально полпред, как само предприятие, с которого он пришел, советский стиль эксплуатирует в полной мере. Зимой и весной этот советский стиль достаточно активно культивировался официальной пропагандой, но потом все отвлеклись на теологические дискуссии, который как бы переносили нас в допетровскую бородатую Русь с ее боярынями морозовыми и патриархами никонами, а теперь щелчок – и снова в эфире двадцать какой-то съезд КПСС, и товарищ Холманских вручает передовикам переходящее знамя с вышитым на нем профилем Ильича.

День опричника и брежневский застой сочетаются не очень, но официальная повестка дня бросает Россию из эпохи в эпоху, ничуть не заботясь о психическом здоровье нации. Такие перепады из известных мне людей может выдержать только Александр Андреевич Проханов, и, мне кажется, так нельзя.

То есть даже, наверное, и можно, но путешествия во времени должны быть хотя бы как-то разнесены в пространстве. Очевидно, что в российском обществе есть и те, кому ближе Трулльский собор, и те, кто мечтает о золотой звездочке

Героя труда. Логичнее было бы, чтобы одни чувствовали себя комфортно, скажем, в Москве около метро «Кропоткинская», а другие – в том же Нижнем Тагиле у полпреда Холманских. Не нравится день опричника – езжай в Тагил и вручай переходящее знамя, не нравится застой – иди к храму Христа Спасителя и ходи вокруг в православном патруле. И всем хорошо. Я даже не шучу.

Мне кажется, что если есть в обществе запрос на взаимоисключающие ценности, то жертвовать одними ценностями во имя других нельзя. В обществе должно быть место и для православных радикалов, и для Pussy Riot, и для «идейных пролетариев», и для «креативного класса». И география, я думаю, могла бы стать решением этой проблемы – когда в одном регионе все зависит от обкома, а в другом – от отца Всеволода Чаплина. Захотел – уехал в лес и живешь в общине космических коммунистов, захотел – ушел на «Красный октябрь» и снимаешь на айфон артхаусное кино.

Но это все, конечно, так и останется мечтой. Звезду Героя труда прикрепят к парадному облачению патриарха, полпред Холманских с товарищами по «Уралвагонзаводу» придет в ХХС молиться гвоздю, Дмитрий Медведев проведет отпуск в тундре. Последнее, кстати, тоже не шутка.

6 августа 2012. Только не говорите, что вы не слышали песню «Курю»:

Снова стою одна,

Снова курю, мама, снова,
А вокруг тишина,
Взятая за основу.

«Взятая за основу» – это откуда вообще, из какого перестроечного детства, из каких съездов народных депутатов? Говорят, в хорошей песне должна быть одна, только одна строчка, которая будет цеплять, и вот это была она. «Тишина, взятая за основу», – еще никто, кажется, не знал имени исполнительницы, а песню ставили и в «Маяке», и в «Мастерской», и в «Солянке». Ну да, как трэш, но ведь ставили же. Летом 2009 года Москва впервые плясала под Ваенгу, это документальный факт.

Сейчас, три года спустя, на «Русском радио» в ротации новая песня Ваенги – «Где была»: «Упала на землю девка, упало солнце на землю». Если слушать вполуха, то, когда вступает духовая секция, даже вздрогнешь – почему Брегович на «Русском радио»? Но это не Брегович, это Ваенга. Возможно, лучшая сегодня русская певица.

Я тестировал этот тезис (про лучшую певицу) на 35-тысячной аудитории своего твиттера, и никто, конечно, со мной не согласился. Может быть, я рассуждаю старомодно, но на утверждение «Ваенга – лучшая певица» убедительнее всего прозвучал бы ответ «Нет, лучшая не Ваенга, а (и дальше имя)». Так вот, таких ответов было очень немного. Назывались какие-то совсем запредельные имена – Инна Желан-

ная, Хелависа, Ольга Арефьева. Чаще всего люди отвечали, что лучшая – это Земфира, и здесь оставалось только вздохнуть в связи с непобедимостью стереотипов: ведь последний альбом Земфиры, как известно, вышел в 2007 году, и сенсацией он не стал; могу ошибиться, но к Земфире ее поклонники относятся сегодня как к воспоминанию о 1999 годе, когда она действительно была лучшей, но это все-таки было 13 лет назад, а сейчас – ну покажите мне Земфиру, что ли.

Чудовище не перестанет быть чудовищем, даже если на это никто не обращает внимания. Ваенга – чудовище.

Полагаю, впрочем, что этот спор не имеет вообще никакого значения. Я скажу «Ваенга», мне скажут «Земфира» – слово против слова. К тому же Ваенга ведь теперь не только и не столько исполнительница песни «Курю», сколько та самая певица, которая написала про Pussy Riot знаменитое «А ВЫ ЗНАЕТЕ ПОЧЕМУ ЭТИ КОЗЫ НЕ ПОШЛИ В МИЧЕТЬ ИЛИ В СИНАГОГУ? ОСОБЕННО В МИЧЕТЬ????????». Она вообще много чего по этому поводу говорила. В интервью «Известиям» уже не было ни капсюла, ни грамматических ошибок, зато было «Но вы на их рожи посмотрите! Они же сидят бравируют, считают себя крутыми героями. Но на такую крутость вам на зоне там покажут быстренько наши православные девки. Ох, не завидую!»

«Вам на зоне там покажут» – это, с какой стороны ни посмотри, какая-то запредельная мерзость. Три девушки в клетке и сытая, богатая, сверхпопулярная и к тому же бере-

менная поп-звезда, с блевотным восторгом обещающая им расправу от уголовниц. Понятно, что все об этом забудут уже завтра, и вообще – поклонники Ваенги сами про Pussy Riot примерно в тех же выражениях думают, а поклонникам Pussy Riot на Ваенгу наплевать. Но это ведь ничего не меняет, чудовище не перестанет быть чудовищем, даже если на это никто не обращает внимания. Ваенга – чудовище.

А в той самой гостевой книге на ее сайте, с которой все и началось, кипит какая-то даже симпатичная жизнь. Вот, почти подряд, поклонники пишут:

Елена, как Вы думаете, можно ли в 39 лет научиться ездить на горных лыжах... Или всё... поезд ушел?..

Дорогая Елена Владимировна! Если Вам не сложно, ответьте пожалуйста. Как Вы относитесь к моей землячке, Фаине Георгиевне Раневской?

Елена Владимировна, скажите, пожалуйста, чем вы лечите кашель? А то у меня буквально за три дня трохеит в бронхит превратился...

Леночка, а у меня к ВАМ, просьба, очень необычная. Обращаюсь к ВАМ, как гениальному композитору и талантливому поэту – написать песню про собаку таксу. Если удастся где-то понаблюдать за таксами, уверена, у ВАС сразу появится желание переложить эти эмоции на стихи и музыку.

Вообще-то это привет из нормального общества. Живут себе какие-то хорошие, добрые люди, наблюдают за таксами, лечат кашель и учатся ездить на горных лыжах. Слушают Ва-

енгу. И нет никакого ада, и всем хорошо.

Я не уверен, что человек виноват в том, что в скотских условиях он превращается в скота. Когда в жизни нет ада, ад в человеке дремлет.

Советская присказка про разведку, в которую надо ходить с хорошими людьми, а с плохими не надо, – в ней есть что-то неправильное, античеловеческое: предполагается, что экстремальные ситуации нужны, чтобы выяснить, хороший человек или плохой. «Парня в горы тяни, рискни». Ну, потянул, ну, выяснил, что он на самом деле плохой, и кому легче стало? Жили бы себе и жили. Нет ведь ничего удивительного в том, что, попадая в какой-нибудь ад, будь то лагерь, армия или блокадный Ленинград, человек теряет человеческие черты, превращается иногда в скота. Я не уверен, что человек виноват в том, что в скотских условиях он превращается в скота. Когда в жизни нет ада, ад в человеке дремлет и может подремать всю жизнь.

Я, может быть, сейчас ужасную вещь скажу, но Ваенга не стала бы чудовищем, если бы не было этого дела Pussy Riot, если бы не было вообще этого года со всеми его особенностями, если бы ненависть не стала ключевым внутривнутриполитическим фактором и, кажется, даже источником легитимности. Общественно-политическую ситуацию сегодня в России вполне можно считать экстремальной. Ваенга не виновата, что в экстремальной ситуации она стала чудовищем.

27 июля 2012. Самый удивительный побочный эффект го-

ворухинской (понятно, что не он придумал, но он был главным, кто на эту тему говорил, делая большие глаза) предвыборной разводки про конфликт «креативного класса» и «быдла», или «народа», – то, что в этот конфликт поверил не только «народ», на который разводка, очевидно, и была рассчитана, но и сам «креативный класс». Когда среднестатистический телезритель жалуется, что «они нас быдлом считают», это понятно и обидно, но когда среднестатистический московский журналист причитает, что «снобизм по отношению к этой барышне я подхватила, как инфекцию, распространявшуюся в соцсетях» и «презрение к другой части страны, не такой, как мы, не так думающей, не так говорящей и не так голосующей, – большая ошибка», хочется попросить Вячеслава Викторовича Володина выписать авторам идеи про конфликт «Болотной» и «быдла» дополнительную премию. Они ведь о таком успехе даже не мечтали – чтобы «Болотная» сама каялась: да, мол, я была несправедлива к народу, прости меня, народ.

Годы в московской журналистике, надеюсь, не обтрепали мои народные (я из Калининграда, диплом технического вуза, полтора года морской практики, ничего креативного) черты, и я хочу, потрясая этими чертами перед лицами моих креативных друзей, сказать, что эта входящая в моду кающаяся жалобная позиция – гораздо более снобская, хамская и оскорбительная для, уже без кавычек, простых людей. Потому что, если ты признаешь вину перед простыми людьми,

то ты себя ставишь вне их (только не надо говорить, что ставишь себя ниже, ага) в строгом соответствии с теорией Говорухина и на радость полпреду Холманских.

Тихий, забитый, но мудрый богоносец, в промежутках между трудом на танковом заводе и просмотром «Дома-2» голосующий за Путина.

Но это еще полбеды. Соглашаясь с этим несуществующим конфликтом, ты соглашаешься и с тем образом народа, который рисовали все те же Говорухин, Холманских и прочие их друзья вплоть до знаменитого политолога Перлы. Тихий, забитый, но мудрый богоносец, в промежутках между трудом на танковом заводе и просмотром «Дома-2» голосующий за Путина. Как выразился еще один известный журналист-народник из хорошей семьи, они не виноваты, что родители им не подсовывали в детстве Бродского.

Бродского, наверное, действительно не подсовывали, но ведь и богоносность не подсовывали тоже. «Простые» семьи, то есть семьи, дети которых никогда не бывали не то что в детском клубе «Шардам» у Мити Борисова, но даже в Московском метрополитене, живут, как ни шокирующе для «креативного класса» это прозвучит, ровно по тем же правилам, по которым живут «хорошие семьи», состоящие из нескольких поколений выпускников 57-й московской школы. Правила действительно простые: если родители любят детей, они будут работать на двух или трех работах, возьмут кредит или продадут собственную почку, только чтобы дети

учились, реализовывались, уезжали, в конце концов, в Москву. В этих простых правилах нет ни слова «Путин», ни слова «быдло». В них нет вообще никакой политики, а есть что-то настолько честное и вечное, что на фоне этого честного и вечного даже стыдно думать о «креативном классе».

И кстати. Представьте себе такую семью – в которой родители ходят в обносках, но оплачивают детям учебу и покупают им гаджеты. Представьте, что в этой семье мама или папа пилит сына или дочку: эх ты, мол, балбес, посмотри вон на Свету из соседнего барака, она вон какая молодец – вступила в движение «Сталь» и барабанит в барабан. Если вам трудно представить, что я имею в виду, перенеситесь в поздний совок. Такая же семья, и мама говорит сыну – балбес, посмотри на соседского сына, он председатель совета дружины, и в комсомольских рейдах участвует, и стенгазету еще рисует, хорошую карьеру сделает.

Света, вступающая в движение «Сталь», чтобы сесть в социальный лифт, – хитрое и циничное существо, не нуждающееся ни в поддержке, ни в жалости.

Вообще-то я не удивлюсь, если кто-нибудь подумает, что в семьях, где детям не подсовывают Бродского, так и бывает, но на самом деле так не бывает. К людям, пытающимся исправить свое социальное положение не с помощью труда, а с помощью активизма, нормальные «простые люди» относятся так, как они того и заслуживают – со сдержанным презрением. Света, вступающая в движение «Сталь», чтобы бить в

барабан на митинге и сесть по этому поводу в социальный лифт, – хитрое и циничное существо, не нуждающееся ни в поддержке, ни в жалости. Точно таким же существом стоит считать и рабочего, идущего в рабочий день на «путинг» и понимающего (а он понимает, понимает), что чем громче он будет кричать «Путин, Путин!», тем больше шансов у его предприятия получить выгодный заказ на ненужную продукцию. Таких рабочих на всем заводе, кстати, – человек десять. Их легко вычислить по новым четвертым айфонам, которые им выдала администрация, но они почему-то не всегда выходят с этими айфонами из дома.

Те люди, которых сейчас вдруг стало модно считать подходящим объектом для покаяния и примирения, – это не народ, это активисты. И, уже как ветеран «креативного класса» и «Болотной площади», я с удовольствием готов заявить, что да, с этой социальной группой у меня есть конфликт, и выходить из него с поднятыми руками («Мы проиграли, когда сделали из Светы посмешище») я считаю ужасной глупостью.

А что касается конкретной Светы Курицыной – про нее вообще-то и думать нечего; я знал Кристину Потупчик, когда она была такой же «Светой из Иванова», и ничего кошмарного с ней в конце концов не случилось, хорошо сейчас живет и пользуется популярностью. У Светы тоже все будет хорошо. В дирекции общественно-правового вещания НТВ, где она сейчас работает, большая текучка кадров, и, продер-

жавшись там несколько месяцев, Света вполне может стать, например, автором новой «Анатомии протеста». И обязательно найдется кто-нибудь, кто посмотрит эту передачу и почувствует себя полным ничтожеством.

Книга вторая

28 июля 2011. Одного почтового служащего однажды спросили: «Ты сидишь целый день на почте и ставишь штампы на конверты, скажи, тебя утомляет такая работа?» Почтовый служащий ответил: «Что вы, она не настолько монотонна, как кажется – каждый день я меняю дату на штампе».

Я думаю, если спросить руководителей Института современного развития Игоря Юргенса и Евгения Гонтмахера, не надоело ли им четвертый год подряд прогнозировать скорую либерализацию под руководством Дмитрия Медведева, они тоже ответят «Что вы, у нас совсем не монотонная работа, время от времени мы меняем даты в своих прогнозах».

Вчерашнее выступление Гонтмахера и Юргенса, согласно которому Дмитрий Медведев должен, цитирую, «перейти Рубикон», выглядит уже не как продукт политологической мысли, а как произведение современного искусства, такой арт-проект ради арт-проекта. Время от времени выходят на сцену двое, говорят «Медведеву пора перейти Рубикон», публика аплодирует, двое уходят. И так до следующего раза.

Три с половиной года назад, когда Дмитрий Медведев только стал президентом, было модно сравнивать его воцарение с горбачевской перестройкой. Собственно, Игорь Юргенс и Евгений Гонтмахер в немалой степени способствовали возникновению такой моды. Три с половиной года – это

серьезный срок. Если сравнивать наше время с перестройкой, начавшейся весной 1985 года, то получится, что у нас сейчас осень 1988. К этому времени Горбачев полностью очистил политбюро от соратников Леонида Брежнева, вернул из ссылки Сахарова и назначил первые свободные выборы в парламент. На заводах директоров избирают прямым голосованием. Кооперативное движение уже стало серьезным фактором в советской экономике – даже скандал с кооперативом АНТ, продававшим за границу советские танки, уже позади. Уже идет война в Нагорном Карабахе, в Прибалтике уже существуют народные фронты и движения в поддержку перестройки, с которыми местные компартии по сути делят свою уже совсем не абсолютную власть. По истечении трех с половиной лет можно было смело сказать, что горбачевская либерализация уже состоялась и стала необратимой.

Медведевские три с половиной года можно сравнить с горбачевскими и по-другому. Представим себе, что на протяжении трех с половиной лет Горбачев выступает с традиционными для вождей КПСС речами о ленинском курсе и дружбе народов. В печати и на телевидении – все как при Брежневе, то есть программы «Взгляд» нет, а «Ленинский университет миллионов» есть. Никаких кооператоров, никаких Саюдисов, Сахаров по-прежнему в ссылке. И только двое полуученых-получиновников раз в полгода пишут в газетах: «Перестройка необратима, демократизация неизбежна».

на, Горбачев вот-вот перейдет Рубикон». Я думаю, советские люди над ними бы смеялись. Анекдоты бы про них придумывали.

Мы – не советские люди. И мы почему-то всерьез обсуждаем и манифесты либерализаторов, и вчерашнюю утечку агентства Reuters, согласно которой президентом следующей весной снова станет Владимир Путин. Советские люди, кажется, были умнее нас. Они о своих старцах из КПСС только анекдоты и рассказывали, никому всерьез не приходило в голову, сидя на кухне, обсуждать свежую речь какого-нибудь товарища Соломенцева.

19 октября 2011. «Большое правительство» сравнивают с Общественной палатой, «Народным фронтом» и даже с «Гражданским форумом», который в начале нулевых был первой робкой попыткой привлечь общественность к прямому участию в государственных делах. Раз в несколько лет власть зачем-то собирает вокруг себя какое-то количество известных и не очень известных людей, от которых, в общем, ничего не требуется, кроме как быть фоном, на котором власть будет заниматься своими обычными делами. Зачем это нужно, никто объяснить не может, но раз в несколько лет под разными названиями этот ритуал совершается. Когда это еще было в новинку, о таком ритуале еще даже можно было разговаривать всерьез. Я помню, например, как об Общественной палате писали, называя ее «миусским пред-

парламентом» — имелось в виду, что пока наш парламентаризм еще не до конца сформировался, чтобы ускорить рост, нужно применять даже самые экзотические механизмы. Вы сейчас наверняка даже не поверите, что это было всерьез, но ведь было, Интернет все помнит.

О «большом правительстве» в сколько-нибудь серьезном тоне говорить очень трудно, почти невозможно. Ну, лица, конечно, меняются. В Общественной палате сидели доктор Рошаль и Марат Гельман, а в «большом правительстве» будет Иван Ургант и тоже Марат Гельман, и еще Федор Бондарчук, который в каком-то смысле, конечно, тоже новое лицо. Скорее всего, сейчас этих новых людей собирают на ходу, подстраиваясь под внезапное попадание президента Медведева в предвыборный список «Единой России». До сих пор весь публичный имидж Медведева строился на таком ненавязчивом дистанцировании от единороссовского «большого стиля», и если бы сейчас Медведев просто начал изображать настоящего единоросса, эдакого Андрея Исаева, выглядело бы это вполне трагически. А с прослойкой из Федора Бондарчука — вроде даже ничего, живенько так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.